

Научная статья
УДК 343.711.5(470)

НЕЗАКОННОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ В ЖИЛИЩЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНИЧЕСКИХ ИЛИ ИНЫХ СРЕДСТВ (СТАТЬЯ 139 УК РФ)

Александр Викторович Курсаев

Договорно-правовой департамент МВД России, Москва, Россия, kursaev@list.ru

Аннотация. Автор рассматривает вопросы квалификации незаконного проникновения в жилище с применением технических или иных средств, приводит предложенные юридической доктриной формы применения технических средств при проникновении в жилище. В статье анализируются новеллы Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, допустившего такую возможность; возможные случаи нефизического проникновения в жилище с применением технических средств, которые могут быть квалифицированы по статье 139 УК РФ; проблемы разграничения деяний, предусмотренных статьями 137 и 139 УК РФ, между собой, а также с иными составами преступлений (например, в сфере компьютерной информации). Автор приходит к выводу о том, что по статье 139 УК РФ подлежит квалификации только физическое проникновение в жилище, совершенное как самим виновным, так и посредством использования им различных технических средств и приспособлений, нефизическое проникновение в жилище квалифицируется по иным составам преступлений российского уголовного закона.

Ключевые слова: уголовная ответственность, квалификация, конституционные права, неприкосновенность жилища, проникновение в жилище, Пленум Верховного Суда Российской Федерации

Для цитирования: Курсаев А. В. Незаконное проникновение в жилище с применением технических или иных средств (статья 139 УК РФ) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 122–128.

Original article

ILLEGAL ENTRY INTO A DWELLING WITH THE USE OF TECHNICAL OR OTHER MEANS (ARTICLE 139 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Aleksander V. Kursaev

Legal Department of the Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, kursaev@list.ru

Abstract. The author considers the issues of qualification of illegal entry into a dwelling with the use of technical or other means, cites the forms proposed by the legal doctrine for the use of technical means when entering a dwelling. The article analyzes the novels of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, which allowed such a possibility; possible cases of non-physical entry into a dwelling using technical means that can be qualified under Article 139 of the Criminal Code of the Russian Federation; problems of delimitation of the acts provided for by Articles 137 and 139 of the Criminal Code of the Russian Federation, among themselves, as well as with other elements of crimes (for example, in the field of computer information). The author comes to the conclusion that, under Article 139 of the Criminal Code of the Russian Federation, only physical penetration into a dwelling, committed both by the perpetrator himself and through the use of various technical means and devices, is subject to the qualification, non-physical penetration into a dwelling is qualified under other elements of crimes of the Russian criminal law.

Keywords: criminal liability, qualification, constitutional rights, inviolability of the home, penetration into the dwelling, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation

For citation: Kursaev A. V. Illegal entry into a dwelling with the use of technical or other means (article

© Курсаев А. В., 2022

139 of the criminal code of the Russian Federation) // *Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia*. 2022. No. 4 (98). P. 122–128.

Неприкосновенность жилища является конституционной свободой, закрепленной в статье 40 Конституции Российской Федерации, и представляет собой важный элемент соблюдения права гражданина на частную жизнь. При нарушении неприкосновенности жилища у виновного появляется возможность для сбора информации в отношении частного лица, так как нарушается личное пространство потерпевшего, возможность уединения.

Посягательство на данную свободу может влечь ответственность по российскому законодательству. Такая провокационно-подстрекательская деятельность может иметь место как среди лиц, явно преследующих противозаконные цели, так и среди сотрудников правоохранительных органов, исходя из ложно понятого ими чувства долга [1].

В частности, статьей 139 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) установлена уголовная ответственность за незаконное проникновение в жилище. В доктрине данное преступление рассматривается в качестве деяния, посягающего на личные права потерпевшего [2, с. 22]. Профессор Т. Н. Нуркаева, комментируя объективную сторону данного преступления, отмечает, что незаконное проникновение в жилище предполагает вторжение в него любым способом (с преодолением препятствий либо без него) против или помимо воли проживающего там лица и при отсутствии на то правовых оснований [3, с. 202].

Традиционно такое проникновение ассоциировалось с физическим вторжением в жилище вне зависимости от конкретного способа такого проникновения (открытого, тайного, с применением насилия или угрозы его применения, посредством обмана или злоупотребления доверием). Однако современный научно-технический прогресс поставил перед научным сообществом вопрос о возможности проникновения в жилище нетрадиционными способами. В частности, развитие аудио- и видеоаппаратуры,

иных специальных технических средств или компьютерных программ позволяет наблюдать за происходящим в жилище без непосредственного проникновения в него. При современном уровне развития техники наблюдение за тем, что происходит в жилище гражданина, вплоть до его интимной жизни, возможно и без проникновения в помещение. Фактически такое наблюдение равнозначно проникновению в жилище, что является незаконным вторжением в частную жизнь и одновременно – нарушением права на неприкосновенность жилища.

Правоприменительная практика в отдельных случаях также расширяла границы, пределы понимания проникновения в жилище. Так, Конституционный Суд Российской Федерации при рассмотрении жалобы гражданки И. Г. Черновой о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» отметил, что даже такое оперативно-розыскное мероприятие, как наблюдение за жилищем не может осуществляться без судебного решения, так как в противном случае происходило бы нарушение неприкосновенности жилища [4].

По другому делу, связанному с хищением товарно-материальных ценностей, имело место получение оперативной информации о том, что на даче одного из обвиняемых на его личном компьютере находится представляющая интерес информация об истинном движении товарно-материальных ценностей. С целью получения доказательств по делу следователь пригласил специалиста по компьютерной технике, который в присутствии двух понятых произвел посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет копирование содержащейся на компьютере информации. Результаты данного следственного действия были закреплены протоколом осмотра. Однако с произошедшим не согласился суд, признавший полученное при таких обстоятельствах до-

казательство недопустимым по мотиву нарушения неприкосновенности жилища [5].

В связи с этим в юридической литературе был поставлен вопрос о возможности квалификации нефизического проникновения в жилище по статье 139 УК РФ. Конкретные формы такого нефизического проникновения в доктрине определялись по-разному.

Во-первых, к проникновению предлагалось относить размещение в жилище без ведома проживающих в нем лиц специальных технических средств для аудиовизуального наблюдения. В частности, А. Н. Красиков [6, с. 165], А. В. Серебренникова [7, с. 77] и В. А. Новиков [8, с. 21] полагают, что к проникновению в жилище следует относить также установку в жилище современных технических средств для сбора информации (например, путем использования для этого вентиляционных шахт).

Согласно второму подходу проникновение в жилище следует трактовать не только как физическое вторжение в него с установлением в жилище специальных технических средств для наблюдения, но и как наблюдение за происходящими процессами в жилище с помощью установленной за его пределами аудио-, видеоаппаратуры. Такое квазипроникновение фактически представляет собой форму наблюдения («подсматривания») за происходящими в жилище процессами [9, с. 18; 10, с. 17]. А. Е. Четчин прямо пишет о том, что любое наблюдение за человеком в его жилище (визуальное, слуховое, с применением технических средств) следует расценивать как проникновение в него [11, с. 106–108].

Данный вопрос актуализировал Пленум Верховного Суда Российской Федерации, который разъяснил, что по смыслу статьи 139 УК РФ незаконное проникновение в жилище может иметь место и без вхождения в него, но с применением технических или иных средств, когда такие средства используются в целях нарушения неприкосновенности жилища (например, для незаконного установления прослушивающего устройства или прибора видеонаблюдения) [12]. Фактически в данном разъяснении Верхов-

ный Суд Российской Федерации при изложении наглядного примера поддержал ранее процитированную позицию, высказанную А. Н. Красиковым и А. В. Серебренниковой.

В юридической литературе отмечается удачный характер данного разъяснения [13, с. 35]. В целом с таким подходом можно согласиться. В то же время при оценке данного разъяснения следует принимать во внимание следующее.

К сожалению, Верховный Суд Российской Федерации не ответил на вопрос о том, что следует понимать под техническими средствами, используемыми для проникновения в жилище. От ответа на данный вопрос напрямую зависят и правила квалификации деяния, связанного с проникновением в жилище с использованием технических средств в целях собирания информации о частной жизни лица. Возможная проблема здесь может состоять в том, что, как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации в пункте 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» [12], собирание сведений о частной жизни лица (статья 137 УК РФ) также может осуществляться посредством фиксирования информации аудио-, видео-, фотосредствами. При этом, несмотря на то, что как нарушение неприкосновенности жилища, так и нарушение неприкосновенности частной жизни являются преступлениями небольшой тяжести, санкция статьи 137 УК РФ более строга и предусматривает наказание в виде лишения свободы.

Соответственно, в том случае, если под техническим средством понимать компьютер с установленной на нем шпионской программой, и виновное лицо подключается к установленному в квартире другому компьютеру в целях сбора информации о частной жизни проживающих в ней лиц (посредством наблюдения с установленной в компьютере

видеокамерой), деяние с учетом названного разъяснения Верховного Суда Российской Федерации формально подпадает под оба состава преступления – как предусмотренного статьей 137, так и статьей 139 УК РФ.

Между тем Европейский Суд по правам человека исходит из того, что статья 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (о недопустимости привлекаться к повторному наказанию) должна толковаться как запрещающая преследование или предание суду за второе «преступление», если они вытекают из идентичных фактов или фактов, которые в значительной степени являются одними и теми же [14].

Фактически в рассматриваемом случае проникновению в жилое помещение посредством какого-либо специального технического устройства может быть дано такое истолкование, которое позволяет квалифицировать его по двум статьям уголовного закона одновременно, что является нарушением принципа *non bis in idem* («не дважды за одно и то же»). Указанное создает необоснованную уголовно-правовую коллизию.

До издания Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 такой проблемы в целом не существовало, так как в судебной практике осуществление контроля за происходящими в жилом помещении процессами посредством технических средств квалифицировалось только по статье 137 УК РФ без вменения по совокупности состава нарушения неприкосновенности жилища.

В частности, действия гражданина А., который с целью собирания сведений о частной жизни своей бывшей сожительницы, составляющих личную и семейную тайну последней, без ее согласия, незаконно установил по месту ее проживания в заальной комнате квартиры произведенное им специальное техническое средство, предназначенное для негласного получения акустической информации, а также, используя данное средство, незаконно собирал сведения о частной жизни потерпевшей, были квалифицированы по части 1 статьи 137 и статье 138.1 УК РФ [15].

Согласно проведенному Н. И. Пикуровым исследованию, именно таким образом и квалифицируются в судебной практике действия лиц, использующих специальные устройства для «подглядывания» без оснований на то оснований за потерпевшим, находящимся в жилом доме, квартире или в ином изолированном от посторонних лиц помещении, а также действия лиц, использующих специальные устройства для прослушивания и записи его разговоров [16, с. 190].

В связи с этим, в случае, если имело место наблюдение за происходящим в жилище с помощью специальных технических средств, содеянное должно квалифицироваться только по статье 137 УК РФ, так как данное деяние наиболее полно описывает признаки рассматриваемого преступления. Приведенная же выше практика Конституционного Суда Российской Федерации и иных судебных органов о толковании наблюдения за происходящим в жилище, в том числе с использованием специальных технических средств, как проникновение в жилище, касалась только вопросов правомерности проведения оперативно-розыскных мероприятий, а не уголовно-правовой оценки данных действий.

Квалификация сразу по двум статьям – 137 и 139 УК РФ – возможна только при реальной совокупности данных преступлений, когда виновный проникает в жилище в целях установки специальных технических средств, а затем с их помощью осуществляет собирание сведений о частной жизни потерпевшего. Как верно отмечается в литературе, наблюдение с использованием специальных технических средств будет более плодотворным, если они будут корректно установлены внутри чужого помещения [16, с. 90], что и учитывает распространенность подобных случаев.

По этой причине полагаем, что следует исходить из ограничительного толкования разъяснения, содержащегося в пункте 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46. Следует считать, что оно касается только тех случаев, когда виновный использует

какое-либо приспособление для монтажа в квартире или ином жилище специального технического средства, предназначенного для наблюдения за обстановкой в жилище.

В принципе квалификация подобного случая как проникновение в жилище не является чем-то уникальным. Так, высшей судебной инстанцией давалось разъяснение о том, что незаконное проникновение в жилище, помещение или иное хранилище в целях совершения кражи, грабежа или разбоя будет иметь место и тогда, когда виновный извлекает похищаемые предметы без вхождения в соответствующее помещение [17]. В этом случае для извлечения имущества из жилища или иного хранилища виновный использует различные приспособления (крюки, петли, зацепы и проч.). Правильность такого разъяснения обосновывается и уголовно-правовой доктриной [18, с. 42]. Поэтому фактически разъяснение об использовании технических средств при проникновении в жилище заимствовано из Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации о краже, где под ними понимаются только телесные технические приспособления, а не различные компьютерные программы.

Исходя из вышеизложенного, представляется, что вопрос о проникновении в жилище посредством технических устройств должен разрешаться по аналогии с хищениями, где используется данный признак, и он должен включать в себя только физически осязаемые технические приспособления. Квалификация подобных действий по статье 139 УК РФ позволяет снять проблему и иного рода. Фактически проникновение в жилище для установления в нем технических средств будет являться приготовлением к собиранию сведений о частной жизни лица, самим по себе ненаказуемым, так как деяние, предусмотренное статьей 137 УК РФ,

относится к преступлениям небольшой тяжести, приготовление к которым не наказуемо. Вменение в этом случае статьи 139 УК РФ позволяет обеспечить привлечение к уголовной ответственности виновных лиц, исходя из фактически содеянного ими.

Кроме того, следует учитывать, что не каждое вторжение в локальную сеть компьютера, расположенного в жилище, представляет собой проникновение в само жилище, поскольку вторжение только в информационную среду компьютера непосредственно не дает доступа к сведениям о том, что в данный момент происходит в жилом помещении. Действия по проникновению в локальную сеть компьютера влекут квалификацию по статье 272 УК РФ, и вменять в этом случае статью 139 УК РФ было бы явно несправедливо.

Зарубежное законодательство также исходит из того, что нарушение неприкосновенности жилища возможно только путем физического проникновения в него (статья 147 Общегражданского уголовного кодекса Норвегии, статья 364 Уголовного кодекса Таиланда, статья 534 Уголовного кодекса Испании, статья 148 Уголовного кодекса Бельгии, статья 245 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики, статья 432-8 Уголовного кодекса Франции, §264 Уголовного кодекса Дании).

В связи с этим уголовно-правовой запрет, сформулированный в статье 139 УК РФ, касается только случаев, связанных с физическим проникновением в жилище. Нефизическое проникновение в него преследует цель сбора информации о частной жизни лица и влечет ответственность по статье 137 УК РФ. Соответственно, при применении разъяснения, данного в пункте 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46, необходимо учитывать именно данное толкование этого признака.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борков В. Н. Квалификация провокационно-подстрекательских действий сотрудников правоохранительных органов // Уголовное право. 2015. № 1. С. 16–21.
2. Клементьева Е. С. Преступления, посягающие на личные права человека // Российский следователь. 2005. № 9. С. 20–23.

3. Нуркаева Т. Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики. М.: Проспект, 2017. 256 с.
4. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 34. Ст. 4368.
5. Чуркин А. В. Следователь проникает в жилище при помощи компьютера // Следователь. 1999. № 1. С. 31–32.
6. Красиков А. Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов: Полиграфист, 1996. 211 с.
7. Серебренникова А. В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии. М.: ЛексЭст, 2005. 303 с.
8. Новиков В. А. Неприкосновенность частной жизни как конституционное право и объект уголовно-правовой охраны // Юридический мир. 2014. № 7. С. 18–21.
9. Плошкина Я. М. Уголовная ответственность за незаконное прослушивание телефонных переговоров и аудио-, видеонаблюдение за жилищем по законодательству РФ и ФРГ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. 23 с.
10. Шелестюков В. Н. Уголовно-правовые средства обеспечения неприкосновенности жилища: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. 23 с.
11. Чечетин А. Е. Оперативно-розыскные мероприятия и права личности. Барнаул: Изд-во Барнальского юридического института МВД России, 2006. 148 с.
12. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации): Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 2.
13. Кибальник А. Г., Амвросов О. П. Квалификация преступлений против личных прав и свобод человека в новом Постановлении Пленума Верховного Суда // Уголовное право. 2019. № 3. С. 32–36.
14. Дело «Сергей Золотухин (Sergey Zolotukhin) против Российской Федерации», жалоба № 14939/03: Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 февраля 2009 г. // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.07.2022).
15. Постановление Лесосибирского городского суда Красноярского края от 9 октября 2017 г. № 1-271/2017 // Документ опубликован не был. Доступ из АИПС «СудАкт.ру»: база судебных и нормативных актов (дата обращения: 04.07.2022).
16. Пикуров Н. И. Частная жизнь и уголовное право: поиск баланса интересов государства и личности. М.: Юрайт, 2021. 207 с.
17. Коряковцев В. В., Питулько К. В., Сергеева А. А. Особенности уголовно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан в российском и зарубежном законодательстве. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2021. 195 с.
18. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2.
19. Яни П. С. Квалификация хищений с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище: позиция судов // Законность. 2016. № 2. С. 38–43.

REFERENCES

1. Borkov V. N. Qualification of provocative and inflammatory actions of law enforcement officers // Criminal law. 2015. No. 1. P. 16–21. (In Russ.)
2. Klementieva E. S. Crimes that infringe on personal human rights // Russian investigator. 2005. No. 9. P. 20–23. (In Russ.)
3. Nurkaeva T. N. Criminal law protection of the individual, her rights and freedoms: questions of theory and practice. M.: Prospekt, 2017. 256 p. (In Russ.)
4. In the case of checking the constitutionality of certain provisions of the Federal Law «On Investigative Activities» on the complaint of citizen I. G. Chernova: determination of the Constitutional Court of the Russian

Federation of July 14, 1998 No. 86-O // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 34. Art. 4368. (In Russ.)

5. Churkin A. V. Investigator enters a home with the help of a computer // Investigator. 1999. No. 1. P. 31–32. (In Russ.)

6. Krasikov A. N. Criminal law protection of human rights and freedoms in Russia. Saratov: Polygraphist, 1996. 211 p. (In Russ.)

7. Serebrennikova A. V. Criminal legal provision of constitutional rights and freedoms of man and citizen under the legislation of the Russian Federation and Germany. M.: LeksEst, 2005. 303 p. (In Russ.)

8. Novikov V. A. Inviolability of private life as constitutional law and the object of criminal law protection // Legal world. 2014. No. 7. P. 18–21. (In Russ.)

9. Ploshkina Ya. M. Criminal liability for illegal wiretapping and audio and video surveillance of housing under the laws of the Russian Federation and Germany: author. dis. ... cand. legal sciences. Krasnoyarsk, 2005. 23 p. (In Russ.)

10. Shelestyukov V. N. Criminal-legal means of ensuring the inviolability of the home: author. dis. ... cand. legal sciences. Krasnoyarsk, 2006. 23 p. (In Russ.)

11. Chechetin A. E. Operative-search measures and personality rights. Barnaul: Publishing House of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. 148 p. (In Russ.)

12. On some issues of judicial practice in cases of crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen (Articles 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018. No. 46 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. No. 2. (In Russ.)

13. Kibalnik A. G., Amvrosov O. P. Qualification of crimes against personal rights and freedoms of a person in the new Resolution of the Plenum of the Supreme Court // Criminal Law. 2019. No. 3. P. 32–36. (In Russ.)

14. Case «Sergey Zolotukhin v. Russian Federation», application no. 14939/03: Judgment of the European Court of Human Rights of 10 February 2009 // The document was not published. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (date of access: 04.07.2022). (In Russ.)

15. Decree of the Lesosibirsk City Court of the Krasnoyarsk Territory dated October 9, 2017 No. 1-271/2017 // The document was not published. Access from AIPS «SudAkt.ru»: database of judicial and regulatory acts (date of access: 04.07.2022). (In Russ.)

16. Pikurov N. I. Private life and criminal law: the search for a balance of interests of the state and the individual. M.: Yurayt, 2021. 207 p. (In Russ.)

17. Koryakovtsev V. V., Pitulko K. V., Sergeeva A. A. Peculiarities of criminal law protection of constitutional rights and freedoms of citizens in Russian and foreign legislation. St. Petersburg: Alef-Press Publishing House, 2021. 195 p. (In Russ.)

18. On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 No. 29 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2003. No. 2. (In Russ.)

19. Yani P. S. Qualification of theft with illegal entry into a dwelling, premises or other storage: the position of the courts // Legitimacy. 2016. No. 2. P. 38–43. (In Russ.)

Информация об авторе:

Курсаев А. В., кандидат юридических наук.

Information about the author:

Kursaev A. V., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 05.07.2022; одобрена после рецензирования 06.07.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 05.07.2022; approved after reviewing 06.07.2022; accepted for publication 25.11.2022.